

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 1998 г.

Centre and Periphery in the Hellenistic World. Ed. by P. Bilde, T. Engeberg-Pedersen, L. Hannestad, J. Zahle and K. Randsborg. Aarhus, 1993 (Studies in Hellenistic Civilization, IV). 357 p. 35 pl.

История эллинистической эпохи в последние годы вызывает особый интерес исследователей, свидетельством чего являются достаточно многочисленные книги и особенно труды различных конференций и симпозиумов по многим проблемам истории эллинизма. В данной рецензии пойдет речь об одном из сборников, представляющем результаты конференции по теме «Центр и периферия в эллинистическом мире», проведенной в Дании в 1993 г.

В предисловии сборника говорится о важности рассмотрения проблем истории эллинизма в различных аспектах и под разными углами зрения. Устроители конференции (они же и составители сборника) считали, что одним из нетрадиционных подходов к исследованию эллинистического мира, который может оказаться плодотворным, является подход в соответствии с концепцией «центр и периферия», и, как они полагают, он дал весьма интересные результаты в социологии¹ и археологии².

Все опубликованные материалы сгруппированы в несколько разделов. Первый из них – «Центр и периферия в искусстве» включает две статьи: Л. Ханнештада «Греки и кельты: создание мифа» и Ф. Каула «Каульдрон из Гундеструпа и периферия эллинистического мира».

В статье Л. Ханнештада рассматриваются некоторые проблемы истории эллинистического искусства. Кельтское вторжение в Элладу, а затем и в Малую Азию в начале эллинистической эпохи произвело огромное впечатление на весь греческий мир. Походя автор отмечает, что это вторжение представляло собой также одну из форм взаимодействия центра и периферии. Победа над кельтами была ознаменована возведением ряда архитектурных и скульптурных памятников. Особенно много в этом отношении сделали цари Пергама, претендовавшие на то, что именно они сыграли главную роль в борьбе с галлами. Они всячески стремились подчеркнуть свою роль защитников эллинизма против варваров. Соответственно памятники создавались не только в Пергаме, но и в Греции, в частности в таких важнейших сакральных центрах, как Делос и Дельфы. С этими памятниками связаны известнейшие скульптурные группы («Умиравший галл», «Галл и его жена»). Суть статьи – показать, что традиционная точка зрения о том, что именно с этих произведений началась новая эпоха в греческом искусстве, – неверна. Все то, что считается новым (изображение смерти, самоубийства), – все это уже существовало в греческом искусстве ранее, с архаического времени. Ничего принципиально нового в искусстве эти произведения не внесли.

Объектом исследования во второй статье является каульдрон, найденный в Северной Ютландии (Дания). Этот предмет (как и целый ряд других, близких ему) уже породил множество дискуссий относительно места своего производства и причин появления на севере Европы. Автор доказывает, что он создан согласно принципам позднего фракийского стиля и соответственно должен датироваться временем от приблизительно 150 г. до н.э. вплоть до первых десятилетий нашей эры. В связи с этим им дается очень краткий общий очерк истории Фракии начиная со времени персидского нашествия, а также очерк развития

¹ Shils E. *Centre and Periphery: Essays in Macrosociology*. Chicago, 1975.

² *Centre and Periphery: Comparative Studies in Archaeology* / Ed. T.C. Champion. L., 1989.

фракийского искусства, отличительной чертой которого является соединение множества различных влияний. В данном каульдране автором отмечается очень заметная роль кельтских элементов (что было характерно для фракийского искусства позднеэллинистического периода в целом). Причиной этого он считает особенности политической ситуации во Фракии этого времени. Особое внимание автор уделяет проблеме кельтского племени скодрисков, осевшего именно тогда в районе современного Белграда. Письменные источники, по мнению автора, позволяют говорить о постоянном мирном сосуществовании кельтов и фракийцев-трибаллов, а характер фракийского искусства того времени подтверждает это. Для объяснения обстоятельств попадания этого предмета в Ютландию автором выдвигаются две гипотезы: либо через посредство германского племени бастарнов, которые вошли в землю трибаллов (а до этого обитали на территории современной Румынии), либо (что автор считает более вероятным) – через посредство кимбров, причем им постулируется союз между киврами и скордисками в конце II в. до н.э.

Второй раздел носит название «Культурные горизонты» и включает две статьи: Б. Канлиффа – «Взаимоотношения между центром и периферией: Иберия и Средиземноморский мир» и К. Рандсборга – «Греческая периферия и варварские центры – реалии экономики и ответы культуры».

В первой из статей конкретное рассмотрение материалов предваряется небольшим теоретическим введением, в котором Б. Канлифф выдвигает три тезиса: 1) модель «центр – периферия» обладает большой ценностью для понимания системы взаимоотношений между средиземноморскими государствами и варварскими окраинами, но эта система никогда не была статичной, а всегда динамичной, 2) эта система не может существовать в изоляции, но в определенной степени зависит от других систем, 3) периферия одной системы может быть ядром (центром) другой. Его задача в данной работе – исследовать взаимоотношения государств центра и востока Средиземноморья с Иберией в I тыс. до н.э. В рамках этого исследования две основные проблемы: 1) взаимоотношения греков и финикийцев в процессе их проникновения в Иберию, что позволяет по-новому понять и характер самих восточносредиземноморских греческих городов, и 2) динамика развития иберов в сторону государственности и влияние на этот процесс пришельцев. Хотя Иберия является частью средиземноморского мира, она «обращена лицом» к Атлантике. Уже во II тыс. до н.э. возникла и развилась широкая сеть связей по Атлантике от Гибралтара вплоть до Ирландии. Причиной развития этой сети стала потребность в металлах и наличие различных месторождений в разных районах. Свидетельством проникновения греков в Иберию в это время являются находки фрагментов микенской керамики на побережье.

Первыми в Иберию с востока прибыли финикийцы. Согласно традиции, они обосновались в Гадире около 1100 г. до н.э., однако твердых археологических свидетельств для периода более раннего, чем 800 г. до н.э., нет. Поэтому многие исследователи сейчас отвергают традицию. Автор тем не менее считает, что подобный подход неверен, поскольку имеются некоторые косвенные свидетельства контактов с востоком Средиземноморья. Местные скульптурные стелы, во всяком случае, показывают наличие таких влияний. С 800 г. до н.э., по мнению автора, отмечается резкая интенсификация контактов. Среди находок этого времени отмечаются различные предметы роскоши, произведенные на востоке. Затем начинается создание «колониальных» поселений на южном побережье Иберии, – как правило, у выхода долин к морю, т.е. явно для удобств связей с хинтерландом. В это время отмечается и возрастание масштабов добычи металлов.

Период 640–540-х годов до н.э. характеризуется вмешательством восточных греков. В это время возникла, главным образом благодаря усилиям самосцев и фокейцев, система торговых путей, соединявших западную и восточную части Средиземного моря, а также действовавших внутри данного региона. Одной из причин обращения восточных греков к западу является разрыв связей на востоке вследствие нашествий киммерийцев и скифов. С другой стороны, падение Ассирии (которая стояла за спиной финикийцев) привело к ослаблению их позиций и в Иберии. Во многих местах фиксируется греческий импорт как элитных вещей, так и рядовых. При этом, как правило, первые находят в глубине Иберии, а вторые – на берегу. Период 540–450-х годов Б. Канлифф называет периодом кризиса, который был вызван событиями на Востоке, в частности персидскими завоеваниями в Малой Азии и подчинением греческих городов. В результате этого перестает существовать единая средиземноморская система торговых путей, но возникает западносредиземноморская, связанная с восточной через посредство Великой Греции (благодаря, главным образом, фокейцам). Второе важное обстоятельство, определяющее ситуацию в Западном

Средиземноморье, состоит в создании двух союзов. Один из них включал в себя Рим и греческие города, второй – Карфаген и этруски. В самой Иберии именно в это время происходит становление государственности. Тогда же возникают и связи с атлантической системой торговых путей и в результате этого появляется доступ к источникам олова. Южная Иберия (Тартесс), процветавшая в предшествующие периоды, сейчас находится в состоянии упадка.

Следующий период – 450–240-е годы до н.э. – характеризуется развитием западнофокейской и центральносредиземноморской систем торговых путей. В течение этого периода (конкретнее – в первой половине V в. до н.э.) происходит гибель центров «престижной» экономики в Центральной Европе в результате варварских миграций, в первую очередь кельтского нашествия. Результатом этого стало исчезновение торгового пути по Роне и упадок Массалии. С другой стороны, именно на это время приходится рост Эмпориона, что говорит о совершенно иной линии связей. Афинские товары приходят сюда из Великой Греции, и Массалия более не является промежуточным пунктом. Южная Иберия в это время оказывается в сфере влияния Карфагена. Конец исследуемой эпохи – завоевание Иберии Карфагеном после первой Пунической войны.

В конце статьи автор подводит итоги по всем четырем периодам, обращая особое внимание на эллинизацию местного иберийского населения. Им отмечается наличие сильных греческих влияний на скульптуру, архитектуру, керамику и т.д. Особое значение придается тому обстоятельству, что местный алфавит возник на североионийской основе. Важно также влияние на социальную структуру местного общества, нашедшее свое выражение в росте производства, ориентированного на обмен с греками.

К. Рандсборг считает своей основной задачей выявление характера взаимоотношений античного мира с его северной периферией в эллинистическую эпоху (понимаемых в первую очередь как греческая экспансия), как установление отношений типа «центр–периферия». Однако, полагает он, для того чтобы понять сущность этих процессов, нельзя ограничиваться только собственно эллинистической эпохой, а необходимо расширить хронологические рамки. В силу этого границами рассматриваемого им периода являются 600-й год до н.э. и 100-й год н.э. Территориальные границы зоны исследования: Сицилия – Центральная Украина – Кипр. В пределах этой зоны выделяются три региона: 1) иллирийский, 2) фракийский, 3) скифский. В самой Элладе в эллинистический период была очень сложная ситуация. Например, во многих ее областях наблюдается явное уменьшение населения и соответственно числа населенных пунктов, но в Этолии мы видим прямо противоположную картину. Там эллинистическая эпоха знаменует наивысший подъем, что находит свое выражение в росте числа населенных пунктов. В IV в. до н.э. в Этолии их имелось 46, а в эллинистическую эпоху – уже 148. Однако римское время дает цифры, свидетельствующие о катастрофическом упадке области – всего 26 населенных пунктов. Близкая картина фиксируется и в некоторых других частях Эллады, что, по мысли автора, свидетельствует о перемещении экономических центров.

К. Рандсборг пытается понять процессы взаимодействия Эллады эллинистической эпохи с варварским миром, анализируя распространение античного импорта на всей этой территории, характер и степень воздействия греков на становление локальной государственности (на основе анализа числа и характера населенных пунктов, царских гробниц и т.д.). В результате этого он приходит к выводу, что часть народов, населявших исследуемую им зону, включалась в «античную» сферу (например народы юга Балкан), другие же становились враждебными, разрушительными силами по отношению к античному миру. В заключительной части своей работы автор поднимает вопрос о влиянии античного мира на появление изображений человека в варварском искусстве.

Третий раздел носит название «Региональная политика». Он состоит из двух статей: И. Скидсгаарда – «Греки в Южной России – история двух городов» и В. Габриельсена – «Родос и Рим после третьей Македонской войны». В первой статье дается краткий очерк истории греческих городов Северного Причерноморья на основании, главным образом, нескольких источников: некоторых свидетельств античных авторов и двух эпиграфических памятников (декрета в честь Протогена из Ольвии и афинского постановления в честь детей Левкона). В конце он приходит к выводу, что Боспор был в некоторых отношениях провозвестником эллинизма.

Во второй статье сначала обрисовывается схема истории Родоса данного периода, которая обычно присутствует в современной литературе и основывается на информации Ливия и Полибия. Недовольные поведением Родоса во время третьей Македонской войны,

римляне решили наказать остров. Это привело к быстрому и решительному падению экономической мощи только что процветавшего греческого полиса. По мнению автора, это также проблема в рамках схемы «центр и периферия». Могущественный главный центр сокрушает центр локальный (периферический). Наказание состояло в лишении Родоса сюзеренитета над Карией и Ликией и превращении Делоса в свободный порт. Эти решения определялись стремлением уничтожить экономическую мощь Родоса. Автор, однако, считает, что это объяснение не соответствует исторической реальности. В римской политике этого времени экономические мотивы не играли сколько-нибудь серьезной роли, и у Рима вообще не было тогда никакой экономической политики. Соответственно у римлян не было никаких оснований стремиться к экономическому ослаблению Родоса. Лишение территорий, расположенных на материке, – это чисто политическое решение, состоявшее в изъятии того, что было ранее дано Родосу Римом. Создание же «свободного порта» на Делосе никак не связано напрямую с политикой по отношению к Родосу. В дополнение автор считает, что на Родосе не было борьбы проримской и промакедонской партий, хотя об этом и сообщают источники.

Следующий раздел «Культурные ландшафты» включает две статьи: С. Оллок – «Археологические разведки на периферии эллинистического мира» и Т. Беккер-Нильсен – «Центры и дорожная сеть на Кипре».

С. Оллок начинает с анализа некоторых общих проблем эллинизма. Она приветствует тот «новый дух» в исследовании эллинизма, который присутствует в ряде монографий и сборников последних десятилетий. Автор считает, что на протяжении длительного времени эллинизм рассматривался исходя из европоцентристских (т.е. в данном случае эллиоцентристских) представлений. До недавнего времени в большинстве исследований «центр» – это собственно греческая цивилизация, и исследования шли по пути выявления объектов и фактов распространения греческой культуры среди местного населения Востока. Она рада тому обстоятельству, что сейчас появились исследования, преодолевшие европоцентризм. Она подчеркивает очень большую значимость проведения археологических разведок и составления детальных археологических карт, которые, как правило, дают картину исторического развития на протяжении длительного периода. С. Оллок предлагает проводить анализ на трех уровнях: местном, региональном и глобальном. Пример местного уровня – работы на острове Кеос, возле полиса Корессос. Там в эллинистическое время (в III в. до н.э.) был помещен птолемеевский гарнизон, и этот центр был назван Арсиной (случай, достаточно частый в птолемеевское время). Результаты обследования территории показывают резкое уменьшение числа населенных пунктов на территории хоры. Что касается самого города, то он также был покинут после ухода птолемеевского гарнизона в результате синойкизма с соседним городом Иулис. Как могут быть объяснены эти факты? Видимо, можно говорить об очень сильных изменениях ситуации. Даже относительно небольшое число новоприбывших людей (птолемеевский гарнизон) изменило характер жизни в населенном пункте. Происходит перераспределение земли, передача ее птолемеевскими чиновниками определенному кругу лиц, поддержка ими, как кажется, не мелких, а более крупных собственников (точно так же, как они поддерживали более крупные полисы). Похожая картина фиксируется в Мефане (Саронический залив), где также была создана птолемеевская колония – другая Арсиноя.

Пример исследований на региональном уровне дает Кипр, где объектом изучения были два района, один на северо-востоке, другой – на юго-западе острова. Для первого характерно практически полное прекращение деятельности медных рудников, функционировавших до этого ряд столетий. Показательно, что это явление совпало во времени с переходом Кипра под власть Птолемеев. Иная картина во втором районе – около Палайопафоса, где фиксируется в эллинистическое время внезапный подъем, проявившийся в росте населения, числа населенных пунктов, процветающей экономике. Причина, по мнению автора, состоит в том, что с включением Кипра в государство Птолемеев он вошел в более обширную систему и поэтому на острове произошла определенная перестройка. Разрабатывались только те медные рудники, которые лучше вписывались в новую структуру, а ряд старых стал менее удобен и поэтому они были покинуты. Наконец, глобальный уровень. Автор выполнила таблицу, на которой представила ряд районов, где проводились детальные археологические исследования территории, и постаралась указать, какие результаты они дали именно для эллинистического периода.

В статье Т. Беккер-Нильсен исследуется система древних дорог в западной части Кипра. Дороги представляют неотъемлемую часть той структуры политической организации пространства, которая существовала в системе «центр – периферия», но очень часто

восстановить эту систему трудно. Обычная методика в подобных исследованиях основывается на использовании «Карты Певтингера». Другой метод использовался в Англии (как известно, эта часть карты утеряна). Здесь исходили из того, что центром всегда являлся Лондон, и поэтому он должен был быть связан со всеми основными районами острова. В данном случае система дорог как бы растет из центра.

В настоящее время Датская археологическая экспедиция проводит свои исследования в западной части Кипра, и в программу этих работ входит и выявление системы древних дорог. С точки зрения автора, эта программа имеет серьезное значение, поскольку система дорог в какой-то степени отражает историю региона. Для восстановления системы используются все доступные источники: «Карта Певтингера», сами остатки дорог, дорожные столбы, аэрофотоснимки, детальная топосъемка.

Пятый раздел носит название «Экономика и архитектурные пространства» и, как все предыдущие, состоит из двух статей: П.Г. Билде – «Сделанные в формах сосуды: центр и периферия в эллинистическом мире» и И. Нильсен – «От периферии к центру: италийские дворцы».

Объектом исследования в первой из статей данного раздела является изучение сделанных в формах чаш, характерных для позднеэллинистического времени, которые ранее (ошибочно) назывались мегарскими. Автор указывает, что если мы знаем центр производства, то распространение в пространстве и во времени дает указания на направление торговых связей. При этом необходимо помнить, что даже хорошая столовая посуда не была сама по себе главным объектом торговли, она только сопровождала другие, основные товары. Этот вывод делается на основании анализа находок при исследовании затонувших кораблей. В большинстве случаев можно даже предполагать, что эти сосуды принадлежали экипажу, а не были товаром. Одно исключение – корабль, найденный у острова Санта Сабина, где было найдено 136 сосудов этого типа. Здесь, видимо, эти чаши составляли часть груза (но, конечно, не основной груз). Сейчас можно считать установленным, что этот тип сосудов был изобретен в Афинах во второй половине III в. до н.э.³ Чаши данного типа считались достаточно дорогой посудой. Производство их характеризовалось определенными особенностями, в частности, необходимо было очень большое количество форм, так как сосуд находился в форме 72 часа, прежде чем его вынимали оттуда. Чаши вывозились в достаточно значительных масштабах. Сейчас известны три центра их производства: афинский, аргосско-пелопонесский, «ионийский». Афинский центр ориентирован на восток, аргосский – на запад. Так называемые ионийские чаши производились в мастерских Малой Азии и, в отличие от сосудов первых центров, были очень широко распространены. Особенно много сосудов с монограммой PA. Автор полагает, что эти чаши производились в Эфесе. Еще одна проблема в изучении этого типа сосудов – местные подражания, что является типичным элементом культуры периферии. Местные подражания часто имели низкое качество. Единственное исключение составляют лишь так называемые итало-мегарские чаши. Все остальные предназначались только для местных рынков. Наибольшее распространение данного типа керамики – вторая половина II в. до н.э.

Во второй статье этого раздела объектом исследования является Италия последних двух веков до нашей эры, когда Италия переставала быть периферией эллинистического мира и становилась главным центром Средиземноморья. В Италии в республиканское время не могло быть царских дворцов, но имелись частные жилища (в том числе в Риме и в Помпеях), которые сравнимы с эллинистическими дворцами. У Цезаря были обширные планы по строительству своей официальной резиденции, но эти планы не были осуществлены. Настоящие официальные дворцы начинают создаваться только в эпоху Августа. Автор ставит следующий вопрос: что послужило моделью для дворца Августа? Ответ ей кажется бесспорным: дворцы эллинистических правителей. Сейчас известны такие дворцы в Пергаме, Вергине, Птолемаиде, Пелле и Палестине. Большое влияние, конечно, оказал царский дворец Александрии, но мы знаем о нем только по литературным свидетельствам.

Шестой раздел «Имперская политика и экономика» включает три статьи: А. Инверницци – «Селевкия на Тигре: центр и периферия в селевкидской Азии», К. Барселис – «Амбивалентная роль центра и периферии: заметки о взаимоотношениях городов Греции с Птолемаеями (до конца царствования Птолемея Филометора)», Дж. Шипли – «Расстояние, развитие, упадок? Анализ мировой системы и "эллинистический" мир».

³ Автор ссылается на кн.: *Rotroff S.I. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Mouldmade Bowls (Agora, XXII). Princeton, 1982.*

* Статья А. Инверници посвящена истории крупнейшего греческого полиса на Востоке эллинистического мира – Селевкии на Тигре. Автор указывает, что начиная с Ахеменидов Месопотамия утратила роль политического центра, но стала настоящим экономическим центром, процветая как никогда раньше. Селевкиды основали свою столицу Селевкию в Вавилонии как знак признания экономической и политической роли этого региона в создании государства Селевкидов. Селевкия расположена в более удобном месте, чем Вавилон. Позднее столицей стала Антиохия, но Селевкия осталась крупнейшим экономическим центром государства. Первоначальные укрепления охватывали территорию большую, чем она была населена в то время. Автор освещает основные проблемы истории этого города в селевкидский и отчасти в парфянский периоды.

В статье К. Барселлиса указывается, что Александрия была важным политическим, экономическим и культурным центром эллинистического мира. Но это явление имело и другую сторону: масса талантов (не только интеллектуалы, но и люди-практики) из Эллады постоянно отправлялись в Александрию; нужны были и человеческие ресурсы для армии. Причины этого заключались в том, что Птолемей I основал именно греческое государство в Египте и соответственно необходим был приток сюда свежих греческих сил. Поэтому Птолемеи вынуждены были поддерживать постоянный контакт с Элладой. Поэтому и в системе связей «центр – периферия» Эллада в некоторых отношениях также оставалась центром.

Статья Дж. Шипли посвящена некоторым теоретическим вопросам. В самом начале ее автор ставит вопрос следующим образом: в современной науке широкое распространение получили идеи Валлерштейна⁴ относительно «мировой системы». Суть этих взглядов представлена в пересказе Вулфа⁵: «В течение нескольких последних тысячелетий мировая история определяется ростом и упадком таких феноменов, коренным образом отличающихся от более ранних обществ, для которых характерным было краткое время их существования, – мировыми системами. Мировая система может быть определена как "единство с простым разделением труда и множественностью культурных систем": основной их особенностью является то, что они объединяют очень большое население, распространяются на большие пространства и относительно стабильны». Валлерштейн различает два вида мировых систем: те, которые объединены политически (мировые империи), и те, которые зависят только от одних экономических связей (мировые экономики). Большинство мировых экономик быстро превращались в мировые империи посредством экспансии одной из правящих групп в регионе. Валлерштейн указывает, что первоначальное «ядро» доминирует над периферией, из которой оно извлекает сырье на условиях, очень выгодных для него. Но внутри ядра постоянно происходят свои процессы, в частности соревнование различных групп или даже стран. В результате постоянно открываются новые периферии, в то время как в старых периферийных областях создаются новые «ядра» и возникает то, что можно назвать полупериферией, т.е. области, которые и сами эксплуатируют другие области, и одновременно являются эксплуатируемыми. Рассмотрев достаточно бегло под этим углом зрения материалы эллинистического мира, автор приходит к выводу, что эта система анализа неприменима к нему, и обращает внимание на то, что ни одно из эллинистических государств не может считаться мировой империей, их экономическая политика ограничивалась стремлением получить больше налогов.

Последний раздел «Мировой взгляд» состоит из двух статей: Т. Энгеберг-Педерсен – «Взаимоотношения между культурными и политическими центрами в эллинистическом мире» и П. Билде – «Иисус и Павел: методологический очерк двух случаев религиозной инновации в контексте взаимоотношений "центр – периферия"».

В первой статье указывается, что не существовало прямой зависимости между ролью города как политического центра и его ролью интеллектуального центра (и наоборот). Политическими центрами были Пелла, Александрия, Антиохия, Пергам, Родос и, наконец, Рим. Интеллектуальными же центрами являлись Афины, Александрия, Пергам, Родос и Рим. Картина сложная, а если мы введем временной фактор, то она станет еще сложнее. Автор ограничивает роль интеллектуального центра только сферой философии. Основные выводы данного исследования: политический центр мог развиваться в интеллектуальный центр, поскольку именно как политический центр он обладал средствами и социальным

⁴ Wallerstein I. The Modern World System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y., 1975.

⁵ Wolf G. World-Systems Analysis and the Roman Empire // Journal of Roman Archaeology. 1990. 3. P. 44–58.

престижем, и народ (или правители) мог понимать, что наличие в этом центре «высокой учености» приводит к повышению престижа. Но политический центр, который также стал интеллектуальным, может продолжать оставаться в этой роли (даже когда его политическая роль исчезает) только в том случае, если «институты высокой учености» выполняли свою функцию относительно автономно от индивидуальных правителей.

Внутри этой общей модели можно видеть большое разнообразие: относительная самостоятельность в Греции (особенно в Афинах) и тесный симбиоз в Риме. Для политических центров особенно необходима политическая мысль. Мы обычно говорим о роли греческой культуры в развитии Рима, но надо помнить и о сильном влиянии Рима на греков с начала II в. до н.э.

Наконец, последняя статья сборника представляет собой попытку рассмотреть проблему Иисуса и апостола Павла в рамках модели «центр – периферия». Автор отмечает, что эта концепция родилась в рамках социологии и вопрос состоит в том, можно ли ее использовать для исследований в других науках, в частности в данном случае, можно ли ее «перевести» для исследования не в крупных масштабах (как это делает социология или культурная антропология), а для понимания микроуниверсума малых религиозных групп (и даже для индивидуального случая в области психологии). П. Билде считает, что модель «центр – периферия» является концепцией, которая может быть использована и географически, и символически. Можно полагать, что эта модель еще более полезна, когда она соединяется с концепцией реинтерпретации и трансформации. Они кажутся особенно ценными при изучении поколений религиозных и культурных инноваций в контексте динамической «мировой системы», отмеченной трениями и конфликтами между «современными» («передовыми») универсалистскими центрами и более традиционными перифериями, которые хранят старые этнические традиции. С помощью этих концепций становится ясным, что новые группы и новые идеологии развиваются в динамическом взаимодействии процессов реорганизации традиционных структур «центр–периферия» и реинтерпретации и трансформации традиционных идеологических структур.

В динамической культуре («мировой системе»), такой, какой была эллинистическо-римская, возможны «фрустрации», вызываемые маргинальным положением в обществе, неуверенностью относительно того, к какой именно группе принадлежит личность, и, вследствие этого, возможно сопротивление этим неблагоприятным позициям посредством подчеркнутой приверженности традиционным идеологическим структурам или даже силой оружия. На следующей стадии, однако, новые идеи, ценности и средства выражения, возникшие в «мировом центре» благодаря доминирующей космополитической культуре, могут быть приняты некоторыми творческими индивидуальностями, находящимися на периферических позициях, в их попытках приобрести приемлемую группу и подняться до более удовлетворительной позиции в обществе.

Иисус и Павел демонстрируют именно этот феномен. Благодаря некоторым новым эллинистическо-римским идеям и ценностям они реинтерпретировали и трансформировали свои традиционные иудейские ценности, и в то же самое время они реорганизовали свои центры спиритуальной ориентации. Приняв такие новые ценности и идеи, они преуспели в трансформации их спиритуального наследия в новую форму владения тем, что может быть названо символической мощью, и благодаря этому создали самим себе и своим приверженцам новую приемлемую группу. И эвентуально эти идеи предстали «большой альтернативой» для многочисленных космополитических обитателей эллинистическо-римского мира, которые постепенно стали приверженцами новой христианской религии.

Мы достаточно подробно изложили содержание многочисленных статей, вошедших в данный сборник. Мы сознательно не акцентировали внимания на достоинствах и недостатках их, поскольку считали, что прежде чем перейти к критическому разбору, необходимо, чтобы читатели получили представление о сборнике в целом.

Самое основное впечатление от него состоит в том, что издатели его и соответственно организаторы конференции, которые предложили данную тему для докладов на ней, поражены какой-то удивительной формой воистину детской наивности, полагая, что стоит приложить к конкретному историческому материалу схему, выработанную в социологии, как сразу воспоследуют новые, неожиданные и убедительные результаты. Естественно, что этого не произошло, поскольку никакая социологическая схема не может использоваться как отмычка. Необходимо было прежде всего выявить, возможно ли в принципе ее применение в историческом исследовании, какие ограничения налагаются на схему при ее переориентации на новый материал, что такое «центр» и что такое «периферия» в истории и, конкретно, в истории эллинистического мира и т.д.

Поскольку эта предварительная, но крайне необходимая работа не была проделана, то, естественно, сборник лишился какого-либо внутреннего единства и поражает не столько даже разнообразием тематики, сколько отсутствием самого простейшего внутреннего единства. При этом мы видим в сборнике целый ряд добротных конкретных исследований, весьма поверхностно связанных с указанной проблемой, но также и некоторое количество статей, авторы которых стремились подойти к исследуемым ими проблемам именно под углом зрения названной концепции и в результате примитивности подхода потерпели явное поражение. Наконец, в сборнике оказались и статьи, явно выходящие за хронологические и территориальные рамки, обозначенные в названии конференции и сборника. Отметим также, что названия отдельных разделов (как правило, весьма претенциозные) редко реально отражают содержание включенных в эти разделы статей, и эти статьи легко могут быть перенесены из одного раздела в другой.

Примерами статей первого типа (т.е. конкретных исследований) можно назвать статьи: А. Инверницци – о Селевкии на Тигре, В. Габриельсена – о взаимоотношениях Рима и Родоса, Т. Беккер-Нильсен – о дорожной системе Кипра, подкупающие именно конкретностью своего содержания и обоснованностью выводов. Статья К. Барселеса о взаимоотношениях Эллады и птолемеевского Египта могла бы также быть отнесена к этой группе, если бы не банальность выводов автора.

Имеется также ряд статей, которые наполнены конкретным содержанием, но относительно которых необходимо сделать критические замечания. Статья И. Ханнештад о характере развития эллинистического искусства в сущности не имеет никакого отношения к теме. Автор и сама это сознает, поэтому делает ремарку относительно того, что кельтское нашествие представляло одну из форм взаимоотношений типа «центр – периферия» в эллинистическом мире. Именно этой ремаркой и ограничивается ее вклад в решение поставленной перед конференцией проблемы. Что касается основного содержания ее доклада, то вряд ли можно согласиться с ее выводом. Автор забыла о том, что в искусстве важно не только то, *что* изображается, но и *как* изображается.

Статья Ф. Каула также весьма далека от основной темы. Хотя автор, весьма возможно, прав в своих выводах, но система его аргументации далека от совершенства, поскольку им постулируется слишком много внешних условий для объяснения факта присутствия каульдрона на территории Ютландии.

К. Рандсборг пытается выявить особенности взаимодействия античного мира с варварской периферией в трех больших регионах, условно названных им иллирийским, фракийским и скифским. Эту попытку стоило бы приветствовать, если бы автор основывался на адекватном знании материала. К сожалению, этого не наблюдается в первую очередь в отношении того региона, который назван им скифским. Отметим кстати, что предложенный термин никак не может считаться приемлемым для эллинистической эпохи, поскольку именно в это время политическое господство в степи перешло от скифов к сарматам. Автор справедливо отмечает, что основные линии связей прибрежных античных городов с хинтерландом осуществлялись по рекам, но при этом совершенно не учитывает материалов из бассейнов таких рек, как Дон, Северский Донец и Кубань. Анализ хоры Ольвии (в связи с рассматриваемой проблемой) делается на основе книги А. Вонсович, которая и в момент своего опубликования не давала правильной картины⁶, а сейчас вообще безнадежно устарела и способна только дезориентировать исследователя.

Определенные сомнения вызывает и статья С. Оллок. Прежде всего совершенно неоправдан энтузиазм автора по поводу того направления в изучении эллинизма, которое в последние годы все более активно проявляет себя в науке. Суть его состоит в том, чтобы всячески преуменьшить роль эллинских элементов и преувеличить роль древневосточного наследия в эллинизме. Автор автоматически уравнивает два понятия – «более новое» и «более правильное», что далеко не всегда верно. Чтобы не включаться в длительную дискуссию, укажем только на ту сокрушительную критику, которой была подвергнута книга наиболее последовательных приверженцев данной концепции⁷ совсем недавно⁸. Не кажется убедительным объяснение причин изменения ситуации на Кипре в эллинистическое время. Может быть, оно верно в самой общей форме, но не предложено никакого практического механизма объяснения того, почему некоторые из медных

⁶ Wąsowicz A. Olbia Pontique et son territoire. P., 1975.

⁷ Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis. A New Approach of the Seleucid Empire. L., 1993.

⁸ Мы имеем в виду серию отзывов на данную книгу: Topoi. Orient-Occident. 1994. V. 4. P. 431–610.

рудников стало невыгодно эксплуатировать. Таблица, завершающая статью, вряд ли может оказать какую-либо помощь исследователю (кроме роли библиографической справки), поскольку никак не комментируются роль и значение каждого из отдельных регионов, в которых проводились исследования. Недоумение вызывает отсутствие в этой итоговой таблице Северной Сирии.

Относительно статьи П.Г. Билде хотелось бы сделать одно замечание. Автор, как и подавляющее большинство других западных исследователей, демонстрирует полное незнание русской научной литературы и соответственно ничего не знает о боспорском варианте мегарских чаш⁹.

Что касается статьи И. Нильсен, то ее выводы кажутся несколько банальными. Отметим, что вскоре после выхода в свет данного сборника автор опубликовал монографию, в которой соответствующий материал подан гораздо подробнее и доказательней¹⁰.

В статье Т. Эренберг-Педерсен рассматриваются взаимоотношения политических и культурных центров эллинистического мира. Не совсем ясно, почему на роль представителей интеллектуальной элиты, по мысли автора, могут претендовать только «политические мыслители» и не могут другие работники умственного труда.

Тот вариант статей, в котором собственно эллинистическая проблематика представлена в очень ограниченной мере, наиболее полно воплощен в статье Б. Канлиффа, посвященной Иберии начиная со II тыс. до н.э.

Наконец, необходимо коснуться двух статей, в которых в наиболее последовательной форме представлена попытка рассмотреть некоторые феномены эллинистической эпохи с точки зрения именно заявленной концепции. Мы имеем в виду статьи Дж. Шипли и П. Билде. Что касается первой из них, то совершенно непонятно, почему автор потратил столько времени и сил для доказательства того, что абсолютно ясно с самого первого взгляда каждому. Концепция, родившаяся из анализа взаимоотношений стран Запада, третьего мира и так называемых «азиатских тигров», настолько чужда реалиям античного мира, что даже само рассмотрение возможности применения ее для понимания его вряд ли может вызвать что-либо, кроме изумления.

Однако наивысшую степень изумления порождает статья П. Билде – его попытки анализировать процесс возникновения христианства с помощью модели «центр – периферия» отдают уже настоящим шарлатанством. Невозможно представить себе степень изумления Иисуса Христа и апостола Павла, если бы они узнали, что их проповеди ориентированы на то, чтобы обеспечить «социальное продвижение». Грубо механистический подход к этой проблеме не смог бы удовлетворить даже членов «Союза воинствующих безбожников».

Наконец, в завершение нельзя не откликнуться на статью И.Е. Скидсгаарда о северо-причерноморских греческих городах. Примечательно само его объяснение появления этой статьи. Автор пишет, что он считал, что подобный сборник не будет иметь целостного характера, если в нем не будет представлена статья по данному сюжету. Именно поэтому он решил написать ее, хотя, как он сам указывает, он не знает ни русского, ни украинского языков. Не знает он, как выясняется из чтения этого «опуса», и источников. Автор не сознает того, что то, что он делает, – это обыкновенная профанация науки, за которую, я надеюсь, ему когда-нибудь будет стыдно.

Г.А. Кошеленко

⁹ См. *Блаватский В.Д.* О производстве «мегарских чаш» в Пантикапее // КСИИМК. 1959. 75. С. 174–176.

¹⁰ *Nielsen I.* Hellenistic Palaces. Tradition and Renewal. Aarhus: Aarhus University Press, 1994 (Studies in Hellenistic Civilization. V).